

УДК 343

***ВЫШИНСКИЙ КАК ПРАКТИК И ТЕОРЕТИК
В СОВЕТСКОЙ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ***

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

Краснодар, Россия

Аннотация: Андрей Януарьевич Вышинский – выдающаяся фигура в советской правовой реальности. В статье представлена краткая характеристика Вышинского с точки зрения его государственной деятельности в правоохранительной сфере. Как практик он являлся прокурором, в том числе занимал должность Прокурора СССР, и в этом качестве выступал как обвинитель в судебных процессах по известным политическим делам так называемых «врагов народа», а после Великой Отечественной войны занимался дипломатической деятельностью. Одновременно Вышинский написал немало значительных научных трудов по теории государства и права, уголовному процессу и другим правовым направлениям, в частности, он создал теорию доказательств в советском праве, за что получил сталинскую премию, активно участвовал в формировании отраслевой системы советского права. О Вышинском в литературе даются неоднозначные оценки. Автор предлагает свою версию.

Ключевые слова: Вышинский, прокурор, теория доказательств, уголовный процесс, расследование преступлений, злой гений.

***VYSHINSKY AS PRACTITIONER AND THEORIST
IN THE SOVIET LEGAL REALITY***

Uporov I.V.

Doctor of History, Ph.D., Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Abstract: Andrei Yanuaryevich Vyshinsky is an outstanding figure in Soviet legal reality. The article presents a brief description of Vyshinsky from the point of view of his government activities. As a practitioner, he was a prosecutor, including holding the position of Prosecutor of the USSR, and in this capacity acted as a prosecutor in trials of well-known political cases of the so-called “enemies of the people”, and after the Great Patriotic War he was engaged in diplomatic activities. At the same time, Vyshinsky wrote many significant scientific works on the theory of state and law, criminal procedure and other legal areas; in particular, he created the theory of evidence in Soviet law, for which he received the Stalin Prize, and actively participated in the formation of the sectoral system of Soviet law. There are mixed assessments about Vyshinsky in the literature. The author offers his version.

Key words: Vyshinsky, prosecutor, theory of evidence, criminal process, crime investigation, evil genius.

Как правовед А.Я. Вышинский известен прежде всего в уголовно-процессуальной сфере. Так, в довоенный период он активно занимался прокурорской деятельностью, и являлся ни много ни мало Прокурором РСФСР (1931-1933 гг.) и Прокурором СССР (1939-1944 гг.), причем, будучи на этих постах, участвовал в общеуголовных и уголовно-политических процессах в качестве государственного обвинителя (Вышинский в послевоенный период был также министром иностранных дел СССР, но для нас это не имеет значения). В этом смысле он был, конечно, не «паркетный» прокурор. Причем во время судебных процессов Вышинский всегда очень четко придерживался официальной позиции, и был абсолютно лоялен Сталину.

Более того, мы полагаем, что именно с подачи Вышинского а при обсуждении уголовно-политических процессов довоенного времени на

митингах на заводах и фабриках стали использоваться такие кричалки, как «смерть бешеным собакам!», «собакам – собачья смерть!». Так, в своем выступлении на процессе троцкистов он говорил: «Вся наша страна, от малого до старого, ждёт и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу Родину, расстрелять как поганых псов!...Пройдёт время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа. А над нами, над нашей счастливой страной, по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождём и учителем - великим Сталиным - вперёд и вперёд к коммунизму!» [1, с. 64].

Как видно, в образности Вышинскому было не отказать. Он считался одним из самых образованных людей в сталинском окружении. Не чурался пользоваться льготами, в том числе богато обставленной личной дачей. В стремлении угодить Сталину Вышинскому явно изменяло присущее ему с детства и юности (отец был провизором, мать – учительницей музыки, сам он закончил юридический факультет Киевского университета) чувство вежливости к окружающим. Он мог оскорбить подсудимых едва ли не последними площадными словами, но неизменно заискивал перед начальниками. Как пишет В. Бережков, «Вышинский был известен своей грубостью с подчинёнными, способностью наводить страх на окружающих. Но перед высшим начальством держался подобострастно, угодливо. Даже в приёмную наркома он входил как воплощение скромности. Видимо, из-за своего меньшевистского прошлого Вышинский особенно боялся Берии и Деканозова, последний даже при людях называл его не иначе как «этот меньшевик» ... Тем больший страх испытывал Вышинский в присутствии Сталина и Молотова. Когда те его вызывали, он входил к ним пригнувшись, как-то бочком, с заискивающей ухмылкой, топорщившей его рыжеватые усики» [2, с. 226].

Но Вышинский был не только практик, но и теоретик, доктор юридических наук, профессор, и это его амплуа рассмотрим несколько подробнее. В его время при расследовании преступлений и поддержании государственного обвинения в суде прокуроры основывались не только на законе, но и на их трактовке, выработанной А.В. Вышинским еще до войны в бытность его прокурором. Как отмечает О. Лацис, Вышинский «был не только практиком, не только организатором одного центрального процесса. Он был и теоретиком, создателем норм для всех остальных «процессов» 1937–1939 гг. и послевоенных лет» [3, с. 162-164], и эту деятельность Вышинского О. Лацис называет, и не без оснований, «самой страшной».

За свой труд «Теория судебных доказательств в советском праве» Вышинский получил Сталинскую премию. При этом принято считать, что Вышинский абсолютизировал значение признания обвиняемого в качестве доказательства обвинения, превратив его в «царицу доказательств», чем дал возможность фабриковать уголовные дела на основе признаний, полученных, с большой долей вероятности, и под воздействием угроз, а также пыток [4, с. 84]. Однако здесь трактовка теории Вышинского, как представляется, несколько упрощается.

Как процессуалист он высказывал некоторые идеи, которые определенным образом отличались от сложившихся к середине XX в. Так, он расширительно толковал в сравнении с положениями российской юридической науки многие аспекты уголовно-процессуальной деятельности, в частности, выступал против четкой и законодательной регламентации следственной и оперативно-розыскной деятельности, так как считал, что в деятельности следователей и работников милиции в борьбе с преступностью не должны существовать препятствия в виде положений закона» [5, с. 180-181]. По мнению Л.Млечина, в своей деятельности Вышинский «исполнял сталинскую идею: репрессии должны быть прикрыты законами» [6, с. 238]. Основанием для осуждения лица, по мнению Вышинского, «является тот факт, что

обвинению удалось доказать максимальную вероятность совершенного им преступления, так как требовать от суда, чтобы его решение было воплощением абсолютной истины, «явно невыполнимо в условиях судебной деятельности» [5, с. 181].

Что касается приговора, то, по Вышинскому, он должен быть основан на внутреннем убеждении судьи, оценивающего доказательства. Соответственно если доказательство правильности обвинения в суде лежит на органах прокуратуры, то положений защиты - на обвиняемом, то есть обвиняемый должен сам доказывать свою невиновность.

Вышинский выдвинул также положение, что при определении степени вины подсудимого необходимо учитывать не только действия (умышленные или неумышленные), но и другие факторы - личность обвиняемого, конкретные условия и обстановку совершения преступления. Очень важно еще и то, что им значительно преувеличивалась роль косвенных улик в уголовном процессе, а также поддержка принципа аналогии в уголовном праве. Конечно, такого рода установки серьезно расширили полномочия правоохранительных органов и создавали условия для произвола.

Что же касается принципа использования признательных показаний как основного доказательства, то Вышинский допускал его только в политических делах, в частности, он отмечал: «В таких делах вопрос об отношении к объяснениям обвиняемых, в частности, к таким их объяснениям, которыми они изобличают своих сообщников, соучастников общего преступления, должен решаться с учетом своеобразия таких дел о заговорах, преступных сообществах, в частности, дел об антисоветских, контрреволюционных организациях и группах. В таких процессах также обязательна более тщательная проверка всех обстоятельств дела - проверка, контролирующая объяснения обвиняемых. Но объяснения обвиняемых в такого рода делах неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств,

важнейших, решающих доказательств. Это объясняется самими особенностями этих обстоятельств, особенностями их юридической природы» [5, с. 187].

Как видно, такой подход вполне вписывался в стремлении власти упростить репрессии политических преступников. В отношении общеуголовных преступлений Вышинский всячески предостерегал следственных и судебных работников от переоценки доказательной силы признаний обвиняемых. Он, в частности, отмечал, что «было бы ошибочным придавать обвиняемому или подсудимому, вернее, их объяснениям большее значение, чем они заслуживают этого как ординарные участники процесса ... Известны случаи, когда и вовсе невинные в приписываемом им преступлении признаются в том, что они не совершали, уступая увещаниям следователя, а иногда и более грубым нарушениям следственными органами требования закона, обязывающего к объективности и добросовестности в расследовании дел ... Поэтому обвиняемый в уголовном процессе не должен рассматриваться как единственный и самый достоверный источник этой истины. Нельзя поэтому признать правильными такую организацию и такое направление следствия, которые основную задачу видят в том, чтобы получить обязательно «признательные» объяснения обвиняемого. Такая организация следствия, при которой показания обвиняемого оказываются главными и еще хуже - единственными устоями всего следствия, способна поставить под удар все дело в случае изменения обвиняемыми своих показаний или отказа от них. Несомненно, следствие может только выиграть, если ему удастся свести объяснения обвиняемого на уровень обычного, рядового доказательства, устранение которого из дела неспособно оказать сколько-нибудь решающего влияния на положение и устойчивость основных установленных следствием фактов и обстоятельств» [5, с. 188].

Таким образом, следователям давалось понять, что от них требуется не добиваться признания обвиняемых «любой ценой», а доказывать его вину с помощью вещественных доказательств и показаний свидетелей. Такая

установка позволяла значительно снизить нарушения законности со стороны прокурорских работников. Так, в послевоенное десятилетие в Ленинграде и Ленинградской области не было зафиксировано ни одного случая, когда следователи прокуратуры добивались признания подозреваемых с помощью угроз и насилия.

Источники подтверждают, что подобной же позиции придерживались руководители органов юстиции, сменившие А.Я. Вышинского. В 1948 г. Председатель Верховного Суда СССР И. Голяков напомнил ответственным сотрудникам прокуратуры о трудностях осуждения исключительно на основе признаний обвиняемого. Он призвал прекратить «вредную практику добиваться признания как главной вещи» [7, с. 346]. Как видно, трактовки Вышинским уголовно-процессуального законодательства достаточно противоречивы.

Равным образом это касается деятельности прокуратуры в послевоенный период в целом - выполняя свои функции в части борьбы с общеуголовной преступностью, прокуратура вместе с тем послушно оформляла необходимые процессуальные документы по делам о политических преступлениях, закрывая глаза на очевидные нарушения законности. Но другого в жесткой административно-командной системе просто не могло быть – будучи одним из звеньев советского карательного механизма, прокуратура исполняла ту роль, которая ей отводилась по воле находящейся у власти политической элиты во главе со Сталиным.

В целом же Вышинского, вероятно, есть основания считать злым гением. Обладая многими качествами организатора, управленца, ученого, публициста, имея ко всему этому несомненный талант, он, однако, направил его на дела, которые осуждены обществом. Но парадокс в том, что прах его по-прежнему покоится в кремлевской стене. Возможно, потому, что послевоенные его заслуги перед государством, бесспорно, имевшие место (например, руководил советской делегацией на первой ассамблее ООН, где и умер, что называется, на

боевом посту), сдвинули баланс в другую сторону. Так что история злого гения еще не закончена.

Библиографический список

1. Вышинский А.Я. Судебные речи. - М., 1938.
2. Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. - М., 1993.
3. Лацис О. Перелом. Сталин против Ленина // Суровая драма народа. - М., 1989. С. 162–168.
4. Инквизитор. Сталинский прокурор Вышинский / Сб. воспоминаний и очерков / Сост. и общ. ред. О.Е. Кутафина. - М.: Республика, 1992.
5. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. - М., 1941.
6. Млечин Л. МИД: министры иностранных дел: тайная дипломатия Кремля. - М., 2003.
7. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. - М., 1998.

Оригинальность 78%